

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, числительные имеют такой же возраст, как и сама идея счета, поскольку они обнаруживаются по крайней мере уже в начале позднего палеолита. Симптоматично, что первые знаки в древнейших письменных системах (шумерской, эламской) были числовыми знаками. С точки зрения этимологии противопоставление числительных в так называемых примитивных и цивилизованных языках не действенно, так как повсюду первичная семантическая мотивация числительных основывается на обозначениях частей человеческого тела. Хотя образование числительных в разных языковых семьях было независимым, оно везде доказывает «более, чем какая-либо другая человеческая деятельность, что человек есть мера самого себя» [Blažek 1999: 335–336].

По данным этнолингвистических наблюдений само человеческое тело стало прообразом и источником всех количественных и пространственных представлений. В этом смысле человеческое тело само содержит в себе числовой код, поэтому данные этнолингвистики могут быть признаны иллюстрациями философских спекуляций. Так, Плотин, у которого диалектика числа нашла наиболее подробную разработку, заключает: «Таким образом, на вопрос о том, как наличны ипостасийные числа в нас в своем отличии от чисел фактического счета, следует ответить, что числа, находящиеся в нас, тоже имеют ипостасийную природу, что и умные числа вообще, и числа счета – проявление и чисел в нас, и тем самым умных чисел; отсюда же вытекает и то, что числа и необходимым образом лежат в основе субъекта, конституируя его, и осмысленно конституируют счет, хотя все это и разные сферы бытия числа» (цит. по: [Лосев 1994: 870]). «Разграничение числовых отношений, как и отношений пространственных, восходит к человеческому телу и его частям, чтобы отсюда постепенно распространиться за границы чувственно-наглядного мира. Собственное тело повсюду формирует базовую модель первоначального счета» [Cassirer 1956: 187]. Обратившись к фактическим числам, следует заметить, что человеческая рука остается наиболее простым, но достаточно быстрым и эффективным инструментом счета в некоторых культурах [Honti 1999: 251]. Долгое время при помощи суставов руки могли проводиться и непростые пасхальные расчеты, получившие у славян название “кръцѣлѣто” (см. [Дьяченко: 101–102; Карский 1979: 221]). Известно, что особое строение рук, совмещенное с их парной симметрией, обусловило развитие такой совершенной числовой системы, как десятичное счисление. В графике палеолита представлено систематическое использование чисел 5 и 10, идущее от пальцевого счета (см. [Фролов 1974: 116]). Сохранившиеся у некоторых народов наиболее примитивные формы счета парами указывают на то, что самый простой числовой код был воспринят ранее всего, но и он отражает природу антропометрического пространства – его парносимметричное наполнение. Деление на две симметричные половины

также представлено в изображениях палеолита, и его относят к древнейшим началам арифметики (см. [Фролов 1974: 121]).

Важная роль отводится в новых исследованиях неолитическим, ок. VIII тыс. до н. э., археологическим находкам на Ближнем Востоке — артефактам, получившим ввиду своей символической функции название токенов («tokens»). Эти предметы представляли собой глиняные фигурки разной формы, которые использовались в хозяйственных расчетах. В IV тыс. до н. э. токены сменились глиняными табличками с их условными изображениями, которые и стали прототипом письма в целом. С сер. III тыс. изображения на шумерских табличках отражают определенные комбинации знаков. Если токены насчитывали сотни форм, начертательные обозначения потребовали унификации и их количество было ограничено шестьюдесятью формами знаков. В связи с отмеченной семиотической динамикой считается возможным вести речь о трех стадиях в развитии счета [Justus 1999: 143]:

«8th – Late 4 th m. BC	Token Systems	concrete counting
Late 4 th – Early 3 rd m. BC	Systems of Numeration	pre-numerical counting
Mid–3 rd m. BC:	Sumerian Sexagesimals	abstract counting».

На фоне постоянного и растущего интереса исследователей к теме языкового выражения количественных представлений (см. библиографию) кажется неоправданным почти полное забвение данной проблематики в русском языкознании.

Значительный вклад в изучение динамики славянских числительных внес А. Е. Супрун. Ему принадлежат блестящие работы по старославянским числительным [1961], полабским числительным [1962]. Докторская диссертация Супруна, которая принесла ему известность, была посвящена сопоставительному изучению славянских числительных и включала краткие исторические обзоры [1965, 1969]. А. Е. Супруном [1959] было дано синхронное описание русских числительных, в котором также встречаются отрывочные сведения по истории числительных. К сожалению, собственно историческое исследование русских и славянских числительных им не предпринималось.

Описание числительных как самостоятельной части речи представлено в монографии Т. Б. Лукиновой [Лукинова 2000], где внимание сосредоточено на сопоставлении славянских данных, используются показания праславянской реконструкции и приводятся сведения из исторических словарей и работ по палеославистике, однако собственно историческое исследование не входило в намерения автора, и поэтому исторический комментарий в книге носит вспомогательный и в известном смысле случайный характер. Книга Т. Б. Лукиновой развивает научную традицию сравнительно-сопоставительного изучения славянских числительных, возникшую благодаря известным трудам А. Е. Супруна.

В исторической славистике сложилось убеждение в том, что числительные как самостоятельная часть речи в славянских языках являются плодом позднего развития и до XVII в. об этом частеречном классе можно говорить лишь условно (см. [Багрянский 1957: 16; 1960: 4; Дровникова 1985:

4; Еленски 1978: 81; Супрун 1965: 7; 1969: 5; Хабургаев 1990: 258–259 и сл.; Kiparski 1967: 173]). В. Кипарский указывает, что впервые этот взгляд был сформулирован в книге Ю. Шереха (Шевелева) [Šerech 1952: 39–40], который пришел к выводу, что в праславянском языке числовые слова не образовывали единой системы, отличаясь морфологической неоднородностью и пестротой синтаксических связей. Ю. Шерех заключает, сосредоточив в своем труде основное внимание на анализе украинского диалектного и литературного материала: числительные в славянских языках принадлежат не только к разным основам (-i-основам, консонантным основам), но и разным классам (местоимение – *два*, «адъектив-субстантив» – *три*, *чотири*, субстантив – *п'ять* и далее). Этому соответствует разнообразие синтаксических связей: согласование с двойственным числом (2), согласование с множественным числом (3 и 4), управление (5 и далее, но не 11, 12, 13, 14). Вероятно, к этому подталкивала предшествующая научная традиция, в которой выделение числительных, по существу, основывалось на генетической типологии и сочеталось с грамматическим отождествлением числительных с прилагательными и существительными, что было обусловлено господством морфологической теории частей речи. А. Мейе [1951: 369–370] отмечал: «В то время как склоняемые числительные “один, два, три, четыре” остались нормально склоняемыми прилагательными, следуя индоевропейскому обыкновению, числительные от “пяти” до “десяти”, которые в общеиндоевропейском языке были несклоняемыми, заменились отвлеченными существительными *пѣтъ* “пятерка”, *шестѣ* “шестерка”, *седмѣ* “семерка”, *осмѣ* “восьмерка”, *декаѣ* “девятка”, являющимися основами на -ĭ-, и *десѣтъ* “десятка” (и далее во всех названиях десятков), являющимся основой на согласную; числительное *сѣто* – также существительное». Остались неясными источники этой замены – индоевропейские, к чему склоняли исследования по этимологии, или собственно славянские. В. Вондрак [Vondrak 1928: 65] видел в славянских количественных числительных от «пяти» до «десяти» существительные с собирательным значением. Вполне вероятно, что оба исследователя в своих дефинициях имели в виду лишь субстантивные грамматические свойства числительных. Вместе с тем нужно уточнить, что точка зрения Ю. Шереха гораздо радикальнее и его рассуждения касались не столько праславянского языка, сколько исторических славянских языков.

Встречаются примеры совмещения разных терминов. Так, в известном акцентологическом исследовании А. А. Зализняка [1985: 133–139] древнерусские лексемы *дѣва*, *оба*, *три*, *четыре* именуется числительными, слова *пять*, *шесть*, *семь*, *осмь*, *девять*, *десять* — счетными существительными, а сочетания вроде *пять десять* и *одинъ на десяте* снова связываются с числительными.

Формирование «новой» части речи в имеющихся работах, по существу, так или иначе отождествляется со становлением современной литературной, прежде всего словоизменительной нормы, в которой числительные обретают

черты морфологической самодостаточности. Г. А. Хабургаев наиболее ясно выразил подобный взгляд на проблему числительных: «Если к древнерусским счетным словам подойти с позиций тех признаков, по которым числительные должны быть выделены в самостоятельную часть речи в современном русском языке, то придется признать, что в период древнейших восточнославянских памятников такого разряда имен (числительных как части речи) выделять нет оснований» [Хабургаев 1990: 259].

Однако нельзя забывать о том, что «счетные слова» вовсе не являются древнеславянским приобретением, а составляют один из древнейших корнесловов праиндоевропейской эпохи (см. [Мейе 1951: 398]). Было бы ошибкой частичный грамматический синкретизм числительных, существительных или прилагательных отождествлять с их полной частеречной идентичностью. История славянских числительных заключается не в движении «от небытия к бытию» (т.е. в их весьма позднем появлении), а в особенностях их морфосинтаксической динамики. Уже в рамках традиционного частеречного учения с его триадой флексивных форм, синтаксической функции и лексического значения древнеславянские числительные должны быть выделены в самостоятельный класс слов, если не брать за скобки какое-нибудь из трех оснований классической частеречной теории. Много сделавший для изучения славянских числительных А. Е. Супрун [1990], к сожалению, выбирает именно этот путь, когда, считая числительные универсалией в лексическом плане, полагает, что грамматические особенности числительных в разных языках могут свидетельствовать об их вхождении в другие части речи. Если и исходить лишь из функционально-семантической обособленности числительных, то нельзя не заметить, что она всегда хорошо сознавалась и способствовала закреплению в истории русских числительных тех свойств, которые обеспечивали развитие их грамматической обособленности.

Иллюзия частеречной неразвитости числовых слов у славян коренится в том, что не были прояснены их функционально-семантические свойства и морфосинтаксическая природа, которые определяли все последующие их грамматические трансформации.

Новые основания в исследовании древнеславянских числительных и неизвестные данные из рукописных источников недавно были представлены в наших работах (см. [Жолобов 1998б; 2001; 2002а; 2002б; 2002в; 2003а; 2003б; 2003в; 2004а; 2004б; 2004в; 2004г; 2004д; 2004е; 2005а; 2005б; 2005в; 2005г; 2005д; 2006а; 2006б]).

В предлагающемся ниже изложении обосновывается частеречная стратификация древнеславянских числительных. В работе используются разыскания современной компаративистики, а также типологические параллели и сведения, которые представляет *philologia sacra*. Существенное место в исследовании отводится критическому разбору славистической литературы, относящейся к данной проблематике.

1.1. О частеречной природе числительных

Отказ от признания частеречного статуса числительных и растворение числительных среди слов других частей речи довольно распространены в современной славистике. Оно контрпродуктивно в разных отношениях, в том числе с точки зрения практической грамматики. По словам А. Ф. Лосева [1965: 29], «язык не есть чистая логика. Он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного общения; поэтому логически даваемое определение любой языковой категории и любого языкового правила всегда и обязательно содержит массу всякого рода “исключений” и натывается на массу всякого рода языковых неожиданностей. Но все эти исключения и неожиданности как раз и являются закономерным результатом человеческого общения, которые нужно формализовать отдельно; да еще неизвестно, можно ли их формализовать, если вся их сущность часто только и заключается в неожиданности и никакому обобщению не поддающейся единичности». Обособленность числительных как особого класса слов хорошо сознается, потому что они являются **названиями чисел и цифр**. По этой причине в большинстве работ термин «числительные» сохраняется, несмотря на то, что существование их как самостоятельной части речи в древнеславянских языках ставится под сомнение. Так, А. Е. Супрун [1961], который полагал, что числительные в славянских языках сложились довольно поздно, свою книгу, посвященную функционированию числовых слов в старославянских памятниках, назвал «Старославянские числительные». Он мотивировал свое решение следующим образом: «...Поскольку в дальнейшем числительные в славянских языках стали особой частью речи, **полезно** (здесь и далее выделено нами — *О. Ж.*) рассмотреть старославянские «числительные» не с другими частями речи (существительными, прилагательными), к которым эти «числительные» примыкают по своим грамматическим свойствам, а **отдельно**» [Супрун 1961: 6]. В разделе «порядковые прилагательные» автор использует новый термин — субстантиват «порядковые», сбиваясь иногда на обычное «числительные» [Супрун 1961: 23–29]. Теми же принципами он руководствуется в своем основном труде — «Славянские числительные» [Супрун 1969: 20–21 и др.]. Включение порядковых числительных в разряд прилагательных неправомерно, поскольку «порядковость» или «порядковая счетность» является произвольным дополнением к общей адъективной семантике, состоящей в обозначении качества (а не порядка следования при счете). Кроме того, трудно считать прилагательными образования вроде *третий* на *десяте* или *сто сорок пятый*, которые отсутствуют в системе собственно прилагательных. Именно на этих основаниях порядковые числительные были выделены в докторской диссертации И. М. Багрянского [1960: 13].

Нечеткость, размытость функционально-семантических критериев при выделении числительных хорошо видна и в другом. А. Е. Супрун [1959: 46; 1969: 25] и И. М. Багрянский [1960: 9] вслед за В. В. Виноградовым [1938: 141–144] выделяют неопределенно-количественные числительные *сколько*, *столько*, *несколько*, *много*, *немного*, *мало*, *достаточно*, которые не имеют обобщенной нумеративной семантики, не являются названиями чисел и не используются при счете, а поэтому к числительным относиться не могут. Своего рода недодифференциация отличает и подход, представленный в Грамматике-80. Здесь также выделяются неопределенно-количественные числительные, хотя они не являются названиями чисел. Числительное здесь определяется так: «Имя числительное — это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно)» [Грамматика-80, 1: 573]. Слова *мало*, *немало* включаются в разряд неопределенно-количественных числительных, хотя не имеют категорий ни падежа, ни рода. Слова *сколько* и *столько*, которые отнесены к неопределенно-количественным числительным, склоняются как местоимения, которыми их и следовало бы считать, учитывая их прономинальную семантику. В отличие от числительных они способны образовывать сочетания с существительными в РП ед., обозначающими неисчисляемые сущности: *много шуму*, *сколько воды* и под.

Приходится признать, что академические «Грамматики», к сожалению, не вполне определились с характером синтаксических связей количественных числительных. Так, в Грамматике-70 сначала используются терминологические обозначения «определяемое числительным существительное», что предполагает синтаксическую зависимость числительных от существительных [Грамматика-70: 308]. Затем же указывается, что «главенствующее слово — числительное (не имеющее формы рода и числа) в форме косвенного падежа согласуется с зависящими от него существительными» [Грамматика-70: 489]. Здесь не ясен тезис о том, почему главенствующее слово согласуется с зависящим существительным (а не наоборот). В Грамматике-80 также говорится вначале, что числительные согласуются с существительными (т.е. грамматически зависят от них) [Грамматика-80, I: 574]. Затем дается указание, из которого можно заключить, что речь идет о взаимном уподоблении слов: «К связи согласования относится правило уподобления — во всех формах косвенных падежей... числительного и существительного» [Грамматика-80, II: 56]. Однако далее говорится, что в косвенных падежах «существительные согласуются с количественным числительным в падеже» [Грамматика-80, II: 78].

Традиционное отнесение древнеславянских числительных *дѣка*, *тѣриѣ* и *четѣриѣ* к прилагательным, а числительных *пѣтъ* или *десѣтъ* к существительным мало что проясняет, а для практической грамматики является просто помехой. И в том, и в другом случае потребуются

дополнительные разъяснения правил употребления этих слов, которые сведут на нет целесообразность вышеназванных частеречных дефиниций. Так, слово *дѣка* нельзя считать прилагательным не только потому, что оно имеет особое значение, но и потому, что оно принадлежит к местоименному, а не именному или членному деклинационному образцу. Числительные *три* и *четыре* нельзя признать прилагательными не только потому, что по значению они примыкают к словам *пять*, *шесть* с неадекватной семантикой, но и потому, что они склоняются по основам на *-i* и согласный, а прилагательные у славян изменяются лишь по основам на *-o/-jo* и *-a/-ja*. Числительное *десять* отличает не только собственно количественное значение, но и морфосинтаксические особенности, не свойственные существительным. Так, у него в древнеславянском развивается смешанный грамматический род: ср. РП ед. муж. *полѣ пѣтъ дѣсѣте*, ТП ед. жен. *дѣсѣтиѣ, дѣсѣтъю*. Различаются его формы в свободном и синтаксически связанном употреблении: МП ед. *дѣка на дѣсѣте, о дѣсѣти дѣкъ*. Уже в наиболее ранних памятниках письменности числительные *пять* или *десять* образуют не только привычные сочетания с управлением *о пяти* или *о десяти дѣкъ*, но и новые конструкции с соположением *о пяти* или *о десяти дѣкъхъ*.

«Проблема, касающаяся сущности частей речи и принципов их выделения в различных языках мира, — одна из наиболее дискуссионных проблем общего языкознания» [Плотникова 1990: 578]. Традиционное частеречное учение опирается на три основания — морфологическое, синтаксическое и семантическое, однако с разными акцентами — на единстве или различиях слов, входящих в тот или иной частеречный разряд. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В. М. Живов [1990: 578] исходит из следующего определения: «Части речи — классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств». В. М. Живов отмечает, что эти основания образуют иерархию признаков, которые неодинаково оцениваются в разных лингвистических школах. Б. А. Серебренников [1990: 579] в этом же издании принимает другую формулировку традиционной теории: «Наконец, части речи рассматриваются как лексико-грамматические разряды слов, которые отличаются друг от друга не только рядом грамматических черт (морфологически — изменяемостью и неизменяемостью, способом изменения, парадигматикой; синтаксически — способами связи с другими словами и синтаксической функцией), но и лексически». Сам Б. А. Серебренников считает обоснованной и приемлемой концепцию функционально-семантических разрядов слов.

По существу, функционально-семантическую концепцию частей речи следует считать частным случаем традиционной теории, когда два ее основания — морфологическое и синтаксическое — выражены не вполне отчетливо или не выражены вовсе, а третье основание — семантическое —

выступает достаточно явственно. Традиционная теория не дает ответа на вопрос о том, как именно следует поступать в случае совпадения грамматической оформленности слов и стоит ли в этом случае обращаться к последнему и решающему критерию — расхождению в обобщенных семантических свойствах. Фактически это третье основание обычно не берется в расчет, хотя это, казалось бы, противоречит исходным теоретическим постулатам. Так, А. Е. Супрун [1990: 583] отмечает, опуская третье — семантическое — основание и никак это не комментируя: «В одних языках числительные обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим вычленять их в особую часть речи: например, в русском языке особую часть речи составляют количественные и собирательные числительные. В других языках **по грамматическим свойствам** (выделено нами — *О. Ж.*) числительные относятся к различным частям речи — существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям». Близкую аналогию к случаям грамматического синкретизма представляет омонимия, которая является обычным фактом в разных языках и которая вовсе не означает тождества формально совпадающих единиц.

Понятно, что морфологическая составляющая частеречной теории, которая в старых работах ставилась во главу угла, может носить лишь вспомогательный характер, потому что далеко не все слова имеют морфологические показатели (ср. неизменяемые прилагательные в старославянском: *испльнь, скобода, различь, соугоука, оудоба*). Иначе обстоит дело с синтаксическими показателями, поскольку они носят более регулярный характер. Опора на синтаксические параметры — здесь нельзя не согласиться с В. М. Живовым — позволяет основывать частеречные дефиниции на достаточно строгих формально-грамматических основаниях. В то же время игнорирование семантических критериев следует признать методологической непоследовательностью, если их значимость зафиксирована в постулате о триаде частеречных оснований.

В новых частеречных построениях три части традиционной теории по-прежнему занимают важное место, хотя и дополняются новыми положениями. В этих работах выделяются следующие частеречные основания: семантика, синтаксис, прагматика и автономность [Schmid 1994]; формальные параметры (словоизменение, деривация, дистрибуция), синтаксические параметры (потенциальная реакция на синтаксические категории), онтологическо-семантические параметры (отношение к онтологическим категориям или семантическим классам), дискурсивно-прагматические параметры (отношение к основополагающим положениям дискурса) [Sasse 1993].

В соответствии с новыми теоретическими представлениями, которые согласуются с научной традицией, обособленность числительных как частеречного класса задается их парадигматическими и синтагматическими свойствами, среди которых наиболее яркой особенностью является **строгая упорядоченность и иерархичность семантической организации** (см. [Gvozdanović 1992: 5–6]). Рассматривая систему числительных, нужно иметь

в виду, что **концепт ‘ряд или последовательность’ является в этом случае основным**, а значение числительного определяется его местом в ряду или серии — по существу, в лексической парадигме (см. [Hurford 1987: 86 и сл.; Stampe 1977: 596]). Числительным свойственна семантическая асимметричность: так, значение ‘4’ включает в себя значение ‘3’, но обратное неверно. Научная традиция указывает на такую особенность числительных, как отсутствие «deskриптивного содержания», а применение дистрибутивного подхода позволило обнаружить «бицентризм» количественных выражений. «In brief, numerator and denominator are semantically complementary, joint heads. The numeral phrase is strictly speaking twin-headed (didymocentric or dicentric)» [Andersen 1997: 12, 15].

Типологические материалы подтверждают частеречный статус числительных: здесь обнаруживается большое разнообразие морфосинтаксических параметров, которые, имея зачастую именную генезис, носят служебный характер и не деформируют функционально-семантической природы числительных. См., например, [Мещанинов 1978]. Ср., в частности, следующее замечание: «Тем самым даже в гилицком языке с его инкорпорирующим построением членов предложения числительные оказываются обладателями таких свойств, которыми другие имена не отличаются» [там же: 265]. Пристальное внимание к разным сторонам изучаемого предмета не должно заслонить целого, как того требует принцип системности описания (см. [Журавлев 1991: 33–34]).

Кроме отмеченных частеречных особенностей, отдельно необходимо рассмотреть общие формально-грамматические черты древнеславянских числительных, которые отличают их от слов других частей речи.

1.1.1. Счетная и количественная функции числительных

В свое время В. В. Виноградов [1938: 126] проницательно указал на «грамматическую антитезу прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей в системе склонения имен числительных», четко не назвав источников этого явления. Он имел в виду выразительную мену синтаксической функции числительных по отношению к существительным в количественных сочетаниях: «определяемые» родительным падежом существительных числительные в прямых падежах становятся «определяющими» в косвенных (ср.: *съесть пять булок vs. встретиться с пятью знакомыми*), а также «резкий разрыв» между прямопадежными и косвеннопадежными формами сложных числительных (ср.: *пятьдесят vs. пятидесяти, пятьюдесятью*). Указанные факты обнаруживают в явлениях грамматики функциональное расслоение числительных, которое до сих пор не было отмечено. Числительные выступают в двух функциях — счетной и количественной.

В счетной функции числительные употребляются самостоятельно, автономно, образуя синтаксическую последовательность, своего рода

счетный текст, где каждому слову отведено строго определенное место, а перестановки невозможны. Счетный текст выступает в двух взаимосвязанных разновидностях: *ѦДИНѦ* < **edinъ*, *ДѦКА* < **dъva*, *ТРИѦ* < **trъje*, *ЧЕТѦРИѦ* < **četyre*, *ПАТѦ* < **pęть* и т.д.; *ПРѦКЪДИ* < **pъrvъjъ*, *КЪТОРЪДИ* < **vъtorъjъ*, *ТРЕТИИ* < **tretъjъ*, *ЧЕТЪРЪТЪДИ* < **četvъrtъjъ*, *ПАТЪДИ* < **pęтъjъ* и т.д. Счетный текст может подразумевать или же включать обозначения считааемых предметов.

В счетной функции грамматическая природа числительных никак не проявляет себя. В этом случае все морфологическое разнообразие форм сходится в одной «начальной» форме. Условно можно говорить о неизменяемости числительных в счетной функции. В этом случае существен лишь синтаксический порядок слов, который вместе с тем обуславливает морфонологическое сближение соседних слов. Оно фиксируется этимологами во всех языках и является характерной частеречной особенностью числительных (ср. Auslaut- или Anlaut-«рифму» в древнеславянских лексических парах *ПАТѦ*, *ПАТѦ* – *ШЕСТѦ*, *ШЕСТѦ*; *СЕДМѦ*, *СЕДМѦ* – *ОСМѦ*, *ОСМѦ*; *ДЕКАТѦ*, *ДЕКА(ТѦ)* – *ДЕСАТѦ*, *ДЕСА(ТѦ)*; звукообраз числительного ‘9’ здесь полностью подчинило себе следующее за ним числительное ‘10’). Эта черта славянских числительных имеет массу типологических параллелей. Например, в финно-угорских меченых и немеченых парах у числительных просматривается парная организация счета. Она выражается с помощью присоединения дейктической частицы *tÄ* к так называемым меченым парам (см. [Серебрянников 1965: 26]). Таким образом, счетная последовательность обладает свойствами связного текста, а одним из композиционных приемов в нем выступают черты рифмического сближения.

Счетный текст можно считать синтаксическим тестом на частеречную принадлежность к числительным. Принадлежность того или иного слова к числительным легко устанавливается по тому, возможно или нет его включение в счетную последовательность. В счетный ряд не допускается введение слов других парадигматических классов. Ни подлинные существительные, ни прилагательные, ни местоимения в этот замкнутый класс слов не могут быть включены, потому что они не входят в счетные синтаксические последовательности. Счетный ряд не обладает таким свойством частеречных парадигм других имен, как синонимия. Каждому слову здесь отводится строго определенное место, а синонимические замены, как правило, невозможны. В праславянском языке синонимия связана лишь с «первочислительным» **dъva* и его порядковым коррелятом **vъtvъrъnas* > **vъtorъ*, которые имеют «двойников» (местоимение и прилагательное) **vъba* > **oba* и **drauŕgnъnas* > **drugъ*. Однако эта синонимия носит неполный характер, так как местоимение **vъba* может употребляться в количественных сочетаниях, но не допускается в счетном ряду. Отражением этой синонимии является также композит-двандва **vъbadъva* (см. [Жолобов, Крысько 2001: 37]).

Счетный текст носителями языка должен заучиваться наизусть. Эта частеречная особенность числительных вызвала к жизни особый жанр счетно-перечислительных текстов, который принято считать весьма архаичным. Множество примеров рассмотрено в исследовании В. Н. Топорова [1980]. Парная организация счетных текстов может быть соотносительна с оппозицией «чёт-нечёт» в балто-славянской мифологии (об этой оппозиции см. [Мифы 1997: I, 153; II, 452]). С этим, вероятно, имеет какую-то связь парное членение индоевропейского пантеона (о парной структуре пантеона см. [Дюмезиль 1986: 64–66]). Парное разбиение отчетливо представлено в считалках, текстовая структура которых может быть весьма архаичной. См., например: *Первой, другой – Изба с трубой, Три, четыре – Меня прицепили, Пять, шесть – Бьем шерсть, Семь, восемь – Сено возим, Девять, десять – Деньги весят, Одиннадцать, двенадцать – На улице бранятся. Бабы, мужики, Мальцы-озорники, Душка Матрешка Глядите в окошко: Здесь Семен – Он выйдет вон!* МудрНар, 315. В отраженном виде парное членение счетного ряда представлено в звукописи рифмуемого с числительными словосочетания (ср.: *Семь, восемь – Сено возим*). Следует обратить внимание на то, что в одном текстовом ряду здесь находятся порядковые и количественные числительные.

Употребление числительных не ограничено лишь счетной функцией, о которой до сих пор говорилось. Не менее важной в речи является количественная функция, в которой числительные в полной мере реализуют свою морфосинтаксическую природу. См., с учетом и порядковой параллели, например:

т'аи от'а чет'ир'а ст'оу'х'и т'кара с'а'ста'к'ла • чет'ир'ам'и кр'к'мен'и • кр'ж'а
 л'к'тоу к'к'нач'ал'а еси Евх 3б 25–26 [ССС: 778]; д'а'ка д'л'а'ж'д'ни'ка в'к'аш'ете
 за'м'ода'к'а'ц'ю е'те'роу • е'ди'н'а в'к' д'л'а'ж'д'н'а • п'а'т'а'н' с'а'т'а д'и'на'р'а • а
 д'роу'г'и п'а'т'а'н' д'е'с'а'т'а Л 9, 14 Зогр Мар [ССС: 562]; о'т'а ш'е'ст'и'н'а ж'е
го'ди'н'и • т'а'ма в'а'с'<т'а'> по к'се'и и'з'е'м'а • до д'е'к'а'т'и'н'а го'ди'н'и Мт 27, 45
 Зогр Мар Ас [ССС: 790] и мн. др.

Разграничение счетной и количественной функций числительных представлено сравнительно-типологическими данными. Так, в общекельтском синтаксически противопоставлены числительные, когда они сопровождают имя (подчиненные числительные) и когда употребляются самостоятельно. Перед самостоятельными числительными ставится частица *a* [Льюис, Педерсен 1954: 233]. В чувашском языке краткие формы числительных употребляются при конкретном счете с указанием предметов, а полные числительные, т.е. формы с удвоением корневого согласного, — при отвлеченном счете [Щербак 1977: 139–140]. Ср. также независимое употребление числительного *один* и основы *одн-* в количественных сочетаниях в русском языке и в других славянских языках. Ср. также возможность включения в счетную последовательность слова *раз* (*раз, два, три...*), тогда как в количественных выражениях это не допустимо (*Он взял одно яблоко vs. *Он взял раз яблоко*). Источником этой инновации в

разговорной речи стали количественные выражения (*один*) *раз, два раза, три раза...*

Особая природа числительных проявляется во всей полноте при обозначении количества в речи, в тексте, когда они соотносятся с приложением количественных показателей к предметно-вещному миру. Собственно, именно количественные представления и придают окружающему миру пространственную, а также временную очерченность и определенность, так что числительным принадлежит ведущее место в пространственно-временном освоении мира. В речи, в тексте числительные образуют квантитативные конструкции, для описания которых необходимо выйти за границы морфологии, обратившись к комплексным — морфосинтаксическим — образованиям.

Отмеченная В. В. Виноградовым «антитеза» прямопадежных и косвеннопадежных форм, отличающая числительные от слов других частей речи, отражает дальнейшее грамматическое расподобление счетной и количественной функций числительных. Прямопадежные и косвеннопадежные формы числительных имели разную логику развития, поскольку прямопадежные формы совпадали со счетным употреблением, а косвеннопадежные указывали не на счетный ряд, а на фиксированное количество. Это расподобление отражают уже наиболее ранние письменные источники.

1.1.2. Простые и составные числительные

Числительные образуют систему с четкими формально-грамматическими особенностями. В древнеславянской речи почти бесконечный счетный ряд задается строго упорядоченной комбинацией лишь двенадцати простых числительных в количественной или порядковой разновидности — ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘4’, ‘5’, ‘6’, ‘7’, ‘8’, ‘9’, ‘10’, ‘100’, ‘1000’. Образование сложных числительных в древнеславянском связано с фиксированными морфосинтаксическими моделями (см.: *пѣтъ на десѣте* — *пѣтъи на десѣте*, *шестѣ на десѣте* — *шестѣи на десѣте* и под.; *пѣтъ десѣтъ* — *пѣтъдесѣтъи*, *шестѣ десѣтъ* — *шестѣдесѣтъи* и под.). Другие имена не имеют таких морфосинтаксических особенностей и не могут образовывать подобных сложных образований.

1.1.3. Корреляция количественных и порядковых числительных

Количественные и порядковые числительные в известном смысле взаимнообратимы: когда называется числительное **petь*, подразумевается, что последнее звено в счетном ряду — **petьjь*; когда называется числительное **petьjь*, подразумевается, что счет достиг ‘5’. Это последнее свойство

числительных зафиксировано в особой счетной модели, имеющей индоевропейское происхождение, — **samъ pęťь*, **samъ desęťь* (т.е. всего — вместе с самим считающим или с одним из выделенных лиц — пятеро, десятеро). См.:

радоуа же са алеѣандра въскочи въ скокрадѣ • єдинѣ же ваниде • а вѣстѣ видѣти въ скокрадѣ самого третина Супр 158, 1; *сама осма* приде БГД XIII, 13г (octava) [SJS, III: 566]; а Ростислава всади в лодью толико *самого ли четверта* пусти и к ѡцю ЛЛ 1377, 107 (1149).

Взаимодополнительность количественных и порядковых числительных в праславянском закрепила в особой морфосинтаксической модели, которая использовалась при половинном счете: **polъ pęta* букв. ‘половина пятого’, т.е. ‘четыре с половиной’, **polъ tretiъja na desęte* букв. ‘половина тринадцатого’, т.е. ‘двенадцать с половиной’. Ср. с современными разговорными указаниями времени: *полпятого*, *полдевятого* и под. Порядковые числительные здесь фиксируют объемно-дробный состав считааемых предметов.

Прочная связь количественных и порядковых числительных в древнеславянском может быть подтверждена многими текстуальными примерами. См., в частности:

Платыи образъ болии *четырь* єсть Изб 1076, 225; раздѣлати же таковує слоужениє • творащимъ на *три* чины • и *първыи* наричати игоуменуу • *въторыи* же икономуу • *третии* же коутьникоу УСт XII, 239 об.; и оубиша новгородци *два* воєводѣ • а *третии* роуками ѡша ЛН XIII₂, 87 об.; се соуть вбрази лоуньнии *четыре* *а*•*ж* же новоє глѣуть(с) • мѣсачьнии наричють *в*•*ж* перекрой *г*•*ж* • вбоѡмо горбаво *д*•*ж* свѣтло КН 1285–1291, 566а–б; платити ємоу *д*•*ж* грвны • а *платан* ємоу переима • оже боудеть роба • ть *е*•*ж* грвнъ • а *шестан* на переємъ Ѡходить РПр сп. 1285–1291, 626г; оу радеха *ф*•*ж* деже овса • *десѣтан* а коуно ... грвне оу милѣслава • со милонего *ф*•*ж* деже овса • *десѣтан* ГрБ № 320/337 (XIII/XIV); быша *г*•*ж* братья • *единому* имѣ Кии • а *другому* Щекъ • а *третьему* Хори(въ) ЛЛ 1377, 3 об.–4; Члвкъ некий • имѣѡше *г*•*ж* другы *двою* люблѡше • и чташе • а на *третьемъ* велми небрѣжениє • имѣше Пр 1383, 40г; буди не Ѡ *девати* безьблг(д)тъникъ • но *десѣтаго* подражаи ГБ к. XIV, 41а; ѡтъ бо бѣ *двѣма* копиема под ни(м) конь. а *третьимъ* въ переднии лукъ. сѣделньи ЛИ ок. 1425, 149.

Наиболее часто в текстах наблюдается такое соотношение количественных и порядковых числительных, которое выступает и при счете: количественные числительные обозначают некое фиксированное множество, а порядковые числительные называют относительную последовательность его нахождения в количественном ряду. В приведенных источниках это обычно связано с противопоставлением или сопоставлением предметов, которых достиг счет, с предыдущими предметами, количество которых

определено. Другой тип контекстов связан с тем, что каждый предмет, входящий в фиксированное множество, может быть соотнесен с тем или иным местом в счетной последовательности. Все это доказывает, что **счет и количество не мыслимы без двух данных типов числовых слов и не могут быть выражены без пересекающегося использования как количественных, так и порядковых числительных**. Ничего подобного нет в других лексико-грамматических классах слов.

Эти разряды числительных, будучи функционально взаимосвязанными, предполагают морфологическое выражение коррелятивных отношений. В праславянском корреляция количественного и порядкового счетных рядов нашла яркое формально-грамматическое выражение. Она **проявилась в восстановлении регулярных морфологических отношений между количественными и порядковыми числительными**. В языке-предке — в индоевропейском праязыке — соотносительность количественных и порядковых числительных имела отчетливое морфологическое выражение: порядковые числительные образовывались от количественных в результате тематизации или суффиксации (см. [Szemerényi 1960: 68]). В праславянском языке морфологически ясный характер этого соотношения был утрачен по фонетическим причинам, а восстановление было обусловлено **внутричастеречными факторами — как генетического, так и функционального характера**. У славян точкой отсчета в этом изменении не могли не стать порядковые числительные, так как они **сохраняли морфологически ясный именной характер**. Поскольку исконные порядковые числительные **šestaās*, **septmaās* являлись склоняемыми именами, не могли не наследовать именной природы и функционально соотносительные с ними праславянские **šes*, **septъn* (см. [Жолобов 2001: 96–97; 2003а: 163]). Только имея в виду названную корреляцию, можно понять, почему ожидаемое **še* < **šes* < **(k)s(w)ek's* заменилось на **šestь*; вместо ожидавшегося **setь* или **setę* < **septъn* < **septmǫ* утвердилось **se(d)ть* и т.д. Понятно, что прилагательные, с которыми отождествляют часто порядковые числительные, с количественными числительными ни грамматически, ни текстуально не связаны.

Сами порядковые числительные уже начиная с праславянской эпохи формально-грамматически противопоставлены прилагательным: в отличие от прилагательных, которые, как правило, могли выступать и в членной, и в именной формах, числительные употреблялись лишь в членных формах, а именные формы у них строго специализированы: они выступали лишь при половинном счете **polь pęty*, *polь devęty męry* и в счетных выражениях со считающим субъектом **samь devęty*. Стяженные формы раньше закрепились в словоизменении числительных, а не прилагательных.

1.1.4. Состав квантитативных конструкций: исходное состояние и инновации

Древнеславянские числительные образуют упорядоченный ряд морфосинтаксических групп — парадигму **квантитативных конструкций**, реализующих однородную счетную или количественную функцию (см. [Жолобов 1997б: 45; 2001: 102]):

- (1) квантитатив одного: **edinъ vozъ*, **edina mĕra*; (1₂)¹ **edinъ na desęte vozъ*;
- (2) квантитатив двух: **dъva voza*, **dъve mĕrĕ*; (2₂) **dъva na desęte voza (vozъ)*;
- (3) малый квантитатив: **trъje*, *četyre vozi*, **tri*, *četyri mĕry*; (3₂) **trъje na desęte vozi (vozъ)*;
- (4) большой квантитатив: **pętъ vozъ*, **pętъ mĕrъ*; (4₂) **šestъ na desęte vozъ*;
- (5) половинный квантитатив: **polъ vъtora*, *polъ pęta voza*, **polъ vъtory*, *polъ pęty mĕry*;
- (6) собирательный квантитатив: **dъvoji*, *troji*, *pęteri pъlci*, **dъvoje*, *troje*, *pętery kъnigy*.

См. в древнеславянской письменности:

- (1) кѡзвращѡ ^{ше} сѡ дѡти славѡи бѣи. тѡкмо сѡ единѡ иноплеменѡникѡ Сав: Лк 17, 18; окомоу же дастѡ патѡ таллантѡ. окомоу же дѡва. окомоу же единѡ Мар: Мф 25, 15; нам' же прѣдѡлежитѡ не о ѡдиномѡ мѡченицѣ чюдити сѡ ни о дѡкою · ни о десѡти чисмѡ ѡстѡ бладимѡнѡхѡ мѡ сѡтѡ мѡжѡ Супр 82, 1; (1₂) единѡи же на десѡте оученикѡ ѡдошѡ кѡ галилеѡ Зогр: Мф. 28, 16;
- (2) ничесоже не кѡзѡмѣте на пѡтѡ. ни жѡзла ни пирѡ ни хлѣба. ни сребра ни дѡкою ризоу ни мѣди Сав: Лк 9, 3; никѡи же рабѡ не можѡтѡ дѡѣма гѡма работѡти Зогр: Мф. 6, 24; не роди ли того кѡ поустѡини асинѡтѣи посрѣдѣ дѡкою дѡкою Супр 8, 5; (2₂) ѡвѣща іс не два ли на десѡте часа ѡста вѡ днѡ ЕВА 1092: Ин 11, 9;
- (3) разарѣни црѡкова. и трѡми дѡнами сѡзидѡнѡ ѡ Зогр: Мф. 27, 40; по трѡхѡ дѡнехѡ · обрѣтостѡ і кѡ црѡкѡвѡ сѣдѡштѡ Зогр: Лк 2, 46; тѡи отѡ четѡирѡ стоуѡини тѡварѡ сѡстѡвлѡ · четѡирѡми крѣменѡи · крѡгѡ лѣтоу бѣначѡлѡ еси Евх, 3б [ССС: 778]; (3₂) и по трѡхѡ на десѡте днѡхѡ оумрѣшѡ ПС к. XI, 182 об.;
- (4) о пѡти хлѣбѡ Мар, 43б; обрѣтошѡ сѡтѡлго сѡвина сѡ инѣми шѡстинѡ братѡ Супр 145, 30 – 146, 1²; и по осми денѡ пакѡи бѣахѡ вѡнѡтрѡ оученици его Ас: Ин. 20, 26; (4₂) бѣ же вѡтѡниѣ близѡ имѡ · ѣко патѡ на десѡте сѡдѡни Мар: Ин. 11, 18;
- (5) а не присѡлѡши ми полоу пѡты гривѡны а хоцоу ти выроути вѡ тѡ лоуцьшѡго новѡгорожѡнина ГрБ (смол.-полоцк.) № 246 (20–50 XI);

¹ (1₂) содержит индекс обозначений второго десятка.

² Здесь встречается смысловое согласование по числу инѣми, а не иноѡ и РП ед. собирательного существительного.

хвъ же оугодникъ · за *полоу вътора лѣ^м* въ змурьскѣмъ стражиши · съ бл̄годарениѣмъ тѣрпаше всю ЖФСт к. XII, 141 об.;

- (6) ДѢКОУ ЛЮДАЕ въ сѣнѣ · въ крѣмѣ х̄в̄нѣи мѣщѣ приѣж Клоц, 136 [ССС: 201]; ЧЕТКОРЖИ во сѣтѣ къса · о томѣ различѣ намѣ сказаншѣ Супр 370, 11–12; приемѣ ДЕСАТОРО КРАТНА хоташѣмъ са сѣпастн Супр 279, 15.

Сочетания с составными числительными образовывали квантитативные комбинации. Числительное ‘2 × 10’ представляло собой дуальный квантитатив, а существительное в сочетании с ним имело форму РП мн., как в большом квантитативе: **dъva desęti vozъ* (дѣшѣ еи дѣа дѣсѣти златицѣ Супр 515, 2). Числительные ‘3 × 10’ и ‘4 × 10’ представляли собой малый квантитатив, а существительное в сочетании с ними также получало форму РП мн., так что возникала комбинация малого и большого квантитативов: **trъje desęte, četyre desęte vozъ* (пришѣмъ тѣри дѣсѣти сѣребраникѣ цѣнѣ цѣненлего Ват: Мф. 27, 9). Числительные ‘5 × 10’–‘9 × 10’ представляли собой большой квантитатив, который дополнялся существительными в РП мн.: **se(d)mbъ desętъ vozъ* (ами^н глѣ^н камѣ. радочѣтѣ са еи. паче неже дѣсѣти дѣсѣтѣ и ѣти. непогѣжѣшихѣ Сав: Мф. 18, 13)³. Смешанный тип образуют и конструкции с половинным счетом вроде **polъ pęta desęte vozъ*, где субстантивный РП мн. обуславливается зависимостью от числительного **desę(tь)*.

Грамматическая целостность квантитативных конструкций находит продолжение в морфосинтаксических группах с порядковыми числительными, имеющих количественно-определяющее значение.

Составные числительные отражают логику образований, сложившихся в индоевропейскую эпоху. Уже в старославянском эти числительные дают примеры сращения, что, несомненно, обусловлено морфосинтаксическими обстоятельствами — их рядоположенностью с простыми числительными и повторяемостью компонента, обозначающего ‘10’ (см. у А. Вайана [1952: 191]: ДѢКАНАДЕСАТЕ ЗЛАТИЦѢ Супр 122, 10 — вместо ожидавшегося ДѢКѢ НА ДЕСАТЕ ЗЛАТИЦИ / ЗЛАТИЦѢ). Когда появились благоприятные морфонологические обстоятельства, постоянный член *на десяте* в числительных второго десятка, которые образовывали сплошной счетно-текстовый ряд, претерпел аффиксоидную трансформацию.

Внутрипарадигматической динамикой обусловлено употребление переходных морфосинтаксических образцов. Функционирование квантитативов как целостных грамматических единиц обуславливает унификацию морфосинтаксических образцов в исходном славянском употреблении. Прежде всего это находит выражение в распределении субстантивных компонентов квантитативов. Так, в дуальном квантитативе

³ См. это чтение с использованием древнего обозначения ‘90’ — греческой коппы: радочѣтѣ са о неи паче · неже о ѣтѣ и ѣ незаблѣждашиихѣ Ват.

(2₂) существительные исконно могут быть оформлены по образцу большого квантитатива (4):

(2₂) СѦДЕТЕ И КЪИ НА ДКОЮ НА ДЕСѦТЕ ПР'КСТОЛѦ • СОУДАЩЕ ДЪВ'КМА НА ДЕСѦТЕ КОЛ'КНОМА ИЗ'ЛЕКОМА ЕВА 1092: Мф 10, 28

vs.

(4) и приставитѣ ми вѣще • дѣкою на десѣте легеонѣ англѣ ЕВА 1092: Мф 26, 53.

Небезынтересен тот факт, что дв. число существительного здесь предопределяется структурой числительного '12', а не наоборот — форма числительного дв. числом существительного, тогда как в сочетаниях с простым числительным **dъvĕta kolĕnoma* исконно форма числительного определялась согласованием с формой существительного.

В количественных сочетаниях с числительными '3 × 10' и '4 × 10' субстантивные формы также варьируются, поскольку, наряду с исконным типом, получает распространение новый вариант, в котором по образцу малого квантитатива вместо РП мн. существительного выступает форма с соположением, или падежной координацией:

СѦААГО ВАСИЛ'К АР'ХИЕП'ПА ЕСАРИАК ИІСКЪАКАПАДОК • ПОХВАЛА О М' МѦЧЕНИЦ'КХЪ Супр 82, 1 (МП мн. вместо РП мн. мѦЧЕНИКЪ); ИКОЖЕ ПО ДЪВ'КМА ДЕСѦТАМА И ТРѦМА ДЕСѦТАМА ЧРѦН'ЦЕМЪ КЪ ЕМОУИ ПРИХОДИТИ Супр 519, 9 (ДП мн. вместо РП мн. ЧРѦНАЦА); ИЖЕ КЪ ИПОУСТЪИ ШЕСТЬ СЪТЪ ТЪИСѦШТЪ ПР'ККРѦМИКЪИ • КЪ ЧЕТЪИРЕХЪ ДЕСѦТЕХ' Л'К'Т'КХЪ Супр 290, 15 (МП мн. вместо РП мн. Л'К'ТЪ).

Развитие новых субстантивных форм можно объяснить только тем, что модель сочетания малого числительного с большим была перенесена и на сочетание с существительным, а сама эта модель выражала отношения падежной координации, а не согласования. Если по своему происхождению образование сочетаний вроде ДП **trьmь desetьmь*, МП **trьхь desetьхь* было связано с отношениями согласования малого числительного с большим, то фактическая зависимость имела противоположную направленность, поскольку формы мн. числа числительного *desetь* отдельно не употреблялись и были известны только в связанном виде. Внешним же образом реальность состояла в том, что слова в количественном сочетании имели одинаковые падежные формы. Это соответствовало и логико-смысловым отношениям в количественных сочетаниях, где равнополагались либо названия чисел, либо названия чисел и субстанций. Судя по всему, отношения соположения появились по крайней мере в позднепращлавянский период. Соположение выражало собственно нумеративную модель отношений в синтагме.

В большом квантитативе уже в древнейших памятниках действует тенденция к обобщению нумеративной модели с соположением в количественных сочетаниях — по образцу малого квантитатива, где исконно выступало не управление, а соотношение членов, которое внешне совпадало с простым равенством падежных форм:

і о дѣкати правѣдникѣ Зопр: Лк 15, 7

vs.

о дѣкати десатѣ и дѣкати правѣдницѣхъ Мар: Лк 15, 7 и под.

Последний пример доказывает, что форма существительного определяется не пресловутым субстантивным статусом числовых слов, а **включенностью в квантитативные конструкции**, в которых числовые обозначения являются смысловым центром рядом с другим — названиями субстанций.

Здесь нужно заметить, что сам РП мн. ч. существительных в составе квантитативных конструкций, вероятнее всего, несет печать функциональной специализации как *genitivus adnumerativus*. Ср. датив в составном числительном в готском *saihs tigum* ‘60’ (см. [Justus 1999: 147]). Дело в том, что этот родительный приименной никогда не чередуется с дательным приименным или адъективным определением, которые у славян обычно предпочитались приименному дополнению в родительном (см. [Мейе 1951: 374–375]). В отличие от этого, у количественных существительных родительный делимого множества может заменяться адъективным определением. См., например:

ДЕМОНЪСКОЕ о множѣстко Евх 53а 18 [ССС: 337]; обаче и се бы безаконикъ сод<омьско> ѡко въ множѣствѣ хлѣбьнѣмь • и въ обилии виньнѣмь питахоуѡ Изб 1076, 13б; слышащю же оушима св(о)има • дождевное множѣство ЗЦ XIV/XV, 74а; Понеже и въ египтѣ монастыри съставлятисѡ • и мнишьская сбирашасѡ множ(ь)ства ЖВИ XIV–XV, 3в. Как уже отмечалось, А. Е. Супрун и И. М. Багрянский отнесли это слово к неопределенно-количественным числительным.

Если существительное *множѣство* обычно все же встречается с РП, то другие количественные существительные, напротив, употребляются чаще в сочетаниях с прилагательными. См., например:

Съвыше облѣчесѡ оче въ силуу • и безоумьныѡ плькы бѣсовьскыѡ побѣди МинП XI, 127 об.; Побарая за христьяны на поганья плькы Половецкыѡ Сл. плк. Игор. [Срезн., II: 1747]; Въѣхавше въ сторожевыѡ полкъ въ Немѣцкѡи, не вѣдавшу ему сторожевого полка, и тако его убиша Псков. I л. 6849 г. [Срезн., II: 1748] и т.д.